

ҚАЗАҚ ССР ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ

ХАБАРЛАРЫ

ИЗВЕСТИЯ

АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

ВЫПУСК 1 (17)

АЛМА-АТА — 1961

З. А. АХМЕТОВ

РИФМА В КАЗАХСКОЙ ПОЭЗИИ¹

Вопрос о рифме в казахской поэзии изучен в чрезвычайно малой степени. Эта тема обычно затрагивается лишь мимоходом, и только в работах, посвященных более общим проблемам стиха или определенным историко-литературным вопросам. В подобного рода исследованиях большей частью рассматриваются различные способы рифмовки, то или иное расположение рифменных созвучий в поэтических произведениях. В этом отношении накоплен ряд ценных наблюдений.

В то же время в литературоведении еще нет принятой классификации казахской рифмы по качеству: не установлены сами принципы деления рифмы на точные и неточные.

Слабая теоретическая разработка вопроса сказывается и в том, что рифма в разного рода исследованиях рассматривается изолированно, сама по себе, вне связи с другими сторонами ритмики стиха, его строем. Наблюдается также неверное понимание рифмы лишь как средства благозвучия.

Между тем рифма имеет в казахской поэзии широкое распространение и играет большую роль в построении стиха. Нерифмованных стихов казахская поэзия не знает. На всех этапах своего развития, которые доступны нашему обозрению, казахская поэзия была рифменной.

Исследование вопросов, связанных с рифмой, имеет важное значение в плане научно-теоретического изучения приемов построения стихотворной речи. И задача подобного исследования состоит прежде всего в том, чтобы раскрыть природу основных свойств и признаков казахской рифмы¹.

Рифма — самый распространенный вид звукового повтора. Она строится на основе подбора слов, содержащих одинаковые или сходные звуки. Говоря о рифме, большей частью имеют в виду созвучие слов и окончаний слов в конце стиха, т. е. конечную рифму. Этот вид рифмы играет существенную роль в ритмическом построении стиха, является наиболее употребительным; он обыкновенно входит в самую структуру стиха как один из необходимых моментов его ритмического строения. Конечная рифма как правило отличается устойчивостью и употребляется на всем протяжении поэтического произведения. Различают также рифму начальную и внутреннюю (серединную).

В данной статье рассматривается конечная рифма.

¹ В данной статье не затрагиваются вопросы о способах рифмовки, о расположении рифм в тех или иных строках строфы. Они рассматриваются нами в другой работе. Эти вопросы наиболее изучены, освещаются в исследованиях М. Ауэзова, С. Муканова, Х. Жумалиева, Е. Исмаилова, Б. Кенжебаева и др.

От обычных звуковых повторов типа ассонанс, аллитерация рифма отличается тем, что она не есть простое повторение или переключка отдельных звуков, а созвучие слоговое, охватывающее несколько слогов, реже — один слог. Созвучность входящих в рифменное созвучие слогов в целом составляет важную отличительную особенность рифмы как особого вида звукового повтора.

Рифма составляет существенную сторону стихотворной формы, как одно из важных средств, укрепляющих, усиливающих ритм стиха, придающих большую ощутимость ритмическому строению речи в поэтическом произведении. Рифма обозначает границу стихотворных строк. Благодаря ей созвучные слова, замыкающие стих, выделяются отчетливее, подчеркнуты. Это усиливает ощущение завершенности строки, ее ритмической целостности и самостоятельности. Рифма способствует также четкому восприятию конечной в стихе паузы, связанной с ритмико-интонационным членением поэтической речи.

Значительную роль играет рифма также в оформлении строфической композиции; она связывает соседние строки, соединяет стихи в пределах строфы. Поскольку деление стихотворной речи на строки, носящее по своей сущности прежде всего ритмический характер, в известной мере совпадает и перекрещивается с интонационно-синтаксическим членением речи в стихе, рифма так или иначе влияет и на характер интонации. В этом смысле рифма всегда связана в той или иной форме с изменением в движении тона, ритма, интонации стихотворной речи.

Таким образом, рифма не есть простое украшение. Она прежде всего несет ритмическую функцию. Рифма способствует ритмической, интонационной выразительности речи, в силу этого имеет смысловое значение. Рифма служит средством усиления экспрессивности поэтической речи, придает ей благозвучие, красоту и музыкальность.

Надо полагать, что человеческий слух в сравнительно очень раннюю пору научился улавливать выразительность звуковых повторов и созвучий в речи. Косвенным подтверждением этому могут служить народные пословицы, поговорки, афоризмы, загадки и другие образцы устно-поэтического творчества, имеющие древнее происхождение. В них охотно прибегают к разнообразным звуковым повторам и рифменным созвучиям, начиная от аллитераций, ассонансов, кончая начальными, внутренними и конечными рифмами. Они особо выделяются, используются в качестве художественных средств, усиливающих звуковую, ритмическую, смысловую выразительность речи.

Повторы или же созвучия звуков в подобных речевых построениях являются показателем стойкости их ритмико-синтаксической структуры, связывают и скрепляют слова по смыслу и ритмически. Пословицы и сходные с нею по построению речевые формы подчас в значительной степени держатся на звуковых повторах, начальных, внутренних, конечных созвучиях. Конечно, они обладают кроме того легким, удобным для произношения и гибким в ритмическом отношении строением. Но не всегда имеют строго стихотворную форму, чаще строятся в виде полустиха или же ритмической и рифмованной прозаической речи. Большую роль в них играют повторы звуков и разного рода созвучия.

Широко используются звуковые повторы как средство спайки также в самых различных видах образных выражений, устойчивых словосочетаний, а также в парных словах и т. д.

Основой для развития рифмы в произведениях словесно-художественного творчества служила природная звуковая созвучность слов, которая возникает как бы сама собой, особенно при параллельной структуре фраз и предложений, при повторении слов и некоторых других формах

сочетания слов и ритмико-синтаксического построения речи, характерных для образного, поэтического языка.

Уже такие простейшие ритмические построения, как двустипия, если они состоят из фраз или предложений, соединенных по принципу синтаксического параллелизма, основанного на сближении двух явлений, их сравнений, сопоставлений и т. д., содержат естественную возможность для использования звуковых повторов в качестве средства, подчеркивающего сходство, близость структуры этих ритмических рядов. Повторы звуков могут служить при этом как сближению тех или иных явлений, так и усилению их контрастного сопоставления. Начальные, внутренние и концевые созвучия, выступающие в речи в подобной роли, понятно, не могли не быть замечены, и в последующем, когда их функция была достаточно осознана, закреплялись в той или иной форме — первоначально в простых, сравнительно небольших поэтических формах, как-то: пословицах, поговорках и других, а затем уже в песнях и стихотворениях. В процессе дальнейшего развития подобных созвучий, когда конечная рифма уже развилась в систему, превратилась в одно из средств ритмики, имеющих постоянный, устойчивый характер, роль рифмы стала многообразной и с ритмической стороны более существенной. В силу широкой своей распространенности конечная рифма приобрела в казахском стихе, как и в поэзии многих народов, характер необходимого, обязательного художественного средства поэтической речи².

В песенно-поэтическом творчестве складываются и укрепляются такие приемы и способы рифмовки, которые сообщают стихотворной речи наибольшую выразительность и отвечают особенностям жанровых, поэтических форм.

Принципиально не подлежит сомнению, что самые распространенные в казахской поэзии способы рифмовки дают максимальное соответствие грамматическому и синтаксическому строю языка, чем в конечном счете и определяется их легкость, естественность.

Однако это не противоречит тому, что эволюция рифмы теснейшим образом связана с развитием историко-литературного процесса, с развитием тех или иных художественных, стихотворных форм. Надо учитывать также роль национальной художественной традиции, оказывающей известное влияние на практику использования рифмы, тех или иных способов рифмовки.

Из чего складывается рифма? Ответ на этот вопрос нужно искать исходя из того, что рифма есть звуковое созвучие слов или же концов слов, которое создается повторением звуков, а также их подобием.

Рифма обычно не требует полного единообразия всех звуков в созвучных словах. Более того, при повторении в конце стиха одного и того же слова возникает надобность срифмовать также предшествующие слова. Повторяемое слово, так называемый реди́ф, само по себе, за отдельными исключениями, бывает недостаточным для рифмы. Значение же реди́фа состоит в том, что применение его способствует полнозначности рифмы.

Наличие общих или сходных звуков в словах, соотносимых друг с другом в созвучии, — необходимое условие возникновения рифмы.

Но рифма не есть только созвучие звуковое, она в то же время, как уже

² О происхождении рифмы вообще, а также в поэзии тюркоязычных народов в частности см.: В. Жирмунский. Рифма, ее история. Пр., 1923; W. W. Radloff. Über die formen der gebundenen bei den altaischen Tataren. Zeitschrift für volkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Berlin, 1866, IV; Ф. Корш. Древнейший народный стих турецких племен. «Зап. Вост. отд. Русск. арх. об-ва», 1909, т. XIX, вып. II—III, стр. 139—167; В. Гордлевский. Из наблюдений над турецкой песней. «Этнографическое обозрение», 1908, кн. 79, № 4.

отмечалось, представляет собой созвучие слоговое. И в самом деле, не всякое повторение или подобие отдельных звуков образует рифму. Ее создает созвучность слогов в целом.

Следовательно, для того чтобы выявить, из каких элементов складывается рифма, необходимо разобрать как звуковое строение рифмы, так и ее слоговую структуру. Ощущение созвучности слов создается благодаря как повторению одних и тех же звуков, так и наличию в рифмующихся словах фонетически близких звуков. Такими близкими в фонетическом отношении являются в казахском языке прежде всего соответствующие друг другу твердые и мягкие гласные а-ә, о-ө, ы-і, ұ-ү, например, в словах: алды-әлді; конымды-көнімді; ұшын-түсін; кылық-мүлік.

Вместе с тем как сходные по своему звучанию могут восприниматься в составе рифмующихся слов такие группы гласных как: о-ө-е, ұ-ү-ы-і, ө-ү-і, о-ұ-ы, в определенных условиях также а-ә-о, ө-ү-ұ-і, о-ұ-ү-ы и другие (қол-көл-жел; бұрын-сырын-бүгін-жүгін; бөлек-жүрек-білек; олақ-құлақ-ылақ; барын-бәрін-орын и т. д.).

В создании рифменного созвучия решающая роль принадлежит гласным звукам. Они всегда активно участвуют в оформлении рифмы. Согласные же звуки выступают в такой роли не всегда, а лишь в определенных условиях. В отдельных случаях они в зависимости от положения звука и слога вообще могут не учитываться, что будет видно из дальнейшего изложения. Поэтому выделение сходных согласных звуков, которые могут давать сколько-нибудь полное или просто достаточное созвучие, является очень трудной задачей. Тем не менее можно указать, с приведенной оговоркой, на некоторые группы согласных звуков, отличающихся наибольшим подобием вызываемого ими слухового впечатления, например, б-ғ-г, б-д, п-к-к, с-ш, м-н-ң. В составе рифмующихся слов могут восприниматься в некоторых положениях как близкие друг другу по звучанию согласные, так и более широкий круг их. Например: м-н-л-ғ-г-д-б и т. п. (құмар-шынар-бұлар-шығар-шыдар-шұбар; кемің-сенің-елім-тегің, едім-ебін).

Поскольку звуки выступают не сами по себе, а в составе слога, остановимся на некоторых особенностях строения слога в казахском языке.

В составе каждого слога в казахском языке имеется как правило один гласный звук, который выступает как слогаобразующий. Ему может предшествовать один согласный звук, но не более. После гласного звука может стоять один или же два согласных звука, но не более.

Кроме того, начальные слоги в казахском языке могут начинаться только с согласного звука. Ибо по законам слогаделения в казахском языке согласный звук, предшествующий гласному, неизменно отходит к слогу, образованному последним³. Эти своеобразные черты звуковой структуры слога (следовательно, и слова), связанные с общими законами казахского языка (сингармонизм и агглютинация), имеют немалое значение для рифмы. Они помогают создать в созвучных словах звуковое соответствие слога слогу.

Разумеется, возможности, которые представляет язык в этом отношении, реализуются в поэзии в зависимости от характера тех или иных конкретных художественных задач. Ими в конечном счете и определяется стремление поэта к большему или меньшему полнозвучию рифм. Поэтому, говоря о рифме с точки зрения своеобразия языка, его возможностей, мы должны полно учитывать также самую практику поэтического творчества.

³ О слогаделении в казахском языке см.: С. Кенесбаев. Фонетика. Раздел в кн.: «Қазіргі қазақ тілі», стр. 138—146.

И вот если подходить к данному вопросу именно таким образом, то мы должны будем сказать, что для казахской поэзии в целом очень характерна рифма, отличающаяся сходным построением соответственных слогов, что, безусловно, благоприятствует созданию глубоких рифм.

В связи с этим можно было бы обратить внимание на следующее явление. В казахской поэзии в рифмующихся словах, в особенности многосложных, слоги в большинстве случаев обнаруживают соответствие между собой и по типу, т. е. соответствие открытого слога открытому, закрытого закрытому. Другими словами, слог, заканчивающийся гласным, соответствует такому же. Это относится и к слогу, замыкающемуся согласным. Но это не представляет собой какое-то правило. И соответственные слоги могут быть, пожалуй, нередко разнотипными, даже в точных рифмах.

Разберем, однако, подробно вопрос о положении звука в составе рифмы.

В оформлении рифмы важную роль играет прежде всего качество звуков, степень их сходства. Но сами требования, предъявляемые к тем или иным участвующим в созвучии звукам, определяются в зависимости от их положения. Положением звука в составе слога и в свою очередь положением слога в составе рифмы определяется самая степень совпадения звуков, необходимая для образования рифмы. Поэтому та или иная полнота созвучия достигается не только благодаря качеству звуков, взятых в отдельности, но и в известной мере в зависимости от положения звука. Это относится в особенности к согласным звукам.

Важно в этой связи рассмотреть согласный звук в различных позициях в рамках одного слога, беря, например, конечный слог двух- или многосложного слова (жы) — рын — (сы) — нын.

В этом положении слога рифма может довольствоваться и отдаленным сходством начального согласного звука в охваченных созвучием словах, в то же время рифмующиеся слова должны обладать очень близким сходством конечного согласного звука. Те же звуки, которые в вышеприведенном примере выступают в начале конечного слога рифмующихся слов, в конце того же слога не производили бы впечатления звукового сходства.

Интересно также проследить, какие требования выдвигает появление рифмы к согласному звуку в разной позиции в слоге, если иметь в виду при этом одновременно различное положение слога в составе рифмы.

Попробуем сделать это, беря рифмующиеся слова с соответствием слога слогу — конечного конечному, второго от конца второму и т. д. В свою очередь созвучные между собой слоги будут рассматриваться с соответствием звука звуку — начального согласного начальному, конечного согласного конечному, гласного гласному.

Обратимся прежде всего к начальному согласному.

Мөлдіреп — желбіреп — зеңбірек; берік — серік — теріп; кең — тең — жең.

Қытайдың елі де кең, жері де кең.

Көптікке қандай ел бар онымен тең.

Мұхиттай қалың нудан не шықпайды,

Парықсыз кең болған соң етек пен жең. (Сәкен).

Как это ясно видно из вышеприведенных примеров, начальный в слогте согласный звук в первом слоге слова, иначе — начальном слоге, почти совершенно не влияет на характер рифмы, по крайней мере он не делает слог, в составе которого выступает, недостаточно созвучным.

Заметим, что, в частности, повторение в нескольких созвучных словах согласного звука в этой позиции может несколько усилить рифму, тем более, если другие звуки, входящие в состав начального слога одно-

го слова не обладают достаточным сходством с соответствующими звуками другого.

Күні жок олай демеске,
Болады дейді *конфиске...*
—Жанымыз ашыр жәйі жок,
Жоғалып кетсін *келмеске* (Ф. Орманов).

Но в целом в указанной позиции согласный звук не играет сколько-нибудь существенной роли в оформлении рифмы.

Иначе обстоит дело, если взять неначальные слоги, т. е. конечный и срединный слоги. В них — и в особенности в первом и втором слогах от конца стиха — рифма неизменно требует довольно заметного сходства начального согласного в соответственных словах. Иначе рифма не будет точной, достаточной.

Возьмем теперь конечный в слоге согласный звук:

жапырақ — қалтырап; талақ — канат — қарап; күнім — бірін — мұнын:

Жанында *жапырақ*,
Үстінде жұлдыз да,
Елбіреп *қалтырап*
Жігіт пен ол қыз да (Абай).

Кара жерді қылғандай мүлде *талақ*.
Құс батыры қырандай жайып *қанат*.
Ұшқыш кеме ішіне мініп, алып,
Жоғары көтерілдім көкке *қарап* (С. Мұқанов).

Конечный согласный звук в последнем, иначе — конечном, слоге рифмующихся слов при возникновении достаточной, точной рифмы должен обнаруживать большое сходство с соответствующим ему звуком, как видно, в частности, из приведенных примеров. В этом положении в созвучных словах или повторяется один и тот же звук, или выступают звуки фонетически очень близкие.

Другое дело конечный согласный звук в неконечном слоге, т. е. начальном или срединном слогах.

В данной позиции слога в отношении конечного согласного звука допускается в срифмованных друг с другом слогах значительно большая свобода, особенно в третьем и четвертом от конца стиха слогах. Например:

Сенен артық *жан* тумас,
Туса туар *артылмас*.
Бір өзіннен басқаға
Ынтықтығым *айтылмас* (Абай).

Уытты от көзді,
От шашып *кезвесті*.
Ал, жаска бер, сөз бер,
Мұндай кез *келместі* (Бейімбет).

Те же самые согласные звуки, которые в приведенном примере в общем потоке созвучных звуков особенно не выделяются, в конце конечного слога воспринимались бы как совершенно несозвучные.

Обращает на себя внимание, с этой точки зрения, также и гласный звук. Он требует в созвучии очень близкого сходства с соответствующим звуком в конечном слоге, а также и в известной мере и во втором слоге от конца стиха.

Сен болсан, нулы жердің қызыл гүлі,
Болар ем сахараның мен бұлбұлы,
Қонақтап гүл жанында рахат тауып,
Гүл шашып құшар едім күні-түні. (Қ. Аманжолов)

Қарадым қайта-қайта келбетіне
Қару сөз қапелімде келмей тілге.
Ақырын қуанышпен өттім ойлап
Ленин тірі екен деп жер бетінде (Ғ. Орманов)

В то же время в третьем и четвертом слогах от конца стиха допускается в этом отношении значительная свобода, которая, однако, сама по себе не нарушает точной рифмы.

Бір ғылымнан басқаның
Бәрі кесел асқанға.
Үйткен адам жолығар
Кешікпей ақ тосқанға (Абай).

Ойға қарай Оспан кетті домалап,
«Ал атындар, ойға бәрін домалат!»
Өжет ерлер мылтық оғын түтетті,
Жаудың күшін білмесе де шамалап (Бейімбет).

Если же брать слоги в целом, то конечный слог требует в рифме большого звукового сходства с соответствующим ему слогом, нежели неконечные слоги.

Красноречивым доказательством этому может служить, в частности, то обстоятельство, что созвучность открытого и закрытого слогов в конце стиха создает неточную рифму при всех условиях, даже если предшествующие слоги в этих словах дают полное и глубокое созвучие.

Кол қойдық осыны айтып шоңның жасы,
Оралсын қайырымен істің басы.
Ерікпедік, немесе желікпедік,
Ойландық аз да болса жұрт пайдасын (Сұлтанмахмұт).

Если же положение слога неконечное, и особенно если это четвертый или же третий слог от конца, созвучность, даже очень отдаленная, открытого и закрытого слогов сама по себе не превращает рифму в неточную. При полной созвучности последних слогов рифма в этом случае может быть точной и достаточно глубокой. Такой характер имеет рифма в следующем примере:

«Мен көрдім сынық канат көбелекті,
О да білер өмірді іздемекті (Абай).

И вообще для осуществления точной рифмы в конечном слоге рифмующихся слов необходимо, чтобы имелось близкое сходство всех звуков — как гласных, так и согласных. Между тем, как видно из предыдущего изложения, в четвертом и в известной мере также в третьем слоге может допускаться лишь приблизительное подобие как гласных, так и согласных звуков с соответствующими каждому из них звуками.

К этому надо прибавить еще один вывод из приведенных выше наблюдений. В точной рифме во втором от конца слоге может быть несколько большая свобода в осуществлении звукового сходства с соответствующим слогом по сравнению с теми, которые характеризуют конечный слог.

Но эта свобода будет всегда сравнительно меньшей, чем в третьем, тем более четвертом от конца слога.

Следовательно, чем ближе к концу стиха, тем больше заметным становится всякое несходство звуков в созвучии. Поэтому в большей части случаев по мере приближения к концу стиха звуковое сходство в словах, входящих в созвучие, усиливается. Едва ли нужно после всего этого особо доказывать, что в создании рифмы особенно большая роль принадлежит слогам, расположенным ближе к концу стиха, и прежде всего — конечному слогу.

Мы уже не говорим о том, что конечный слог входит в рифму во всех случаях, а неконечные слоги — не всегда, и что вследствие этого рифма вообще может ограничиваться лишь созвучностью одних конечных слогов.

По-видимому, это связано с тем, что мы воспринимаем стихотворную речь на слух в ее звуковой последовательности, и ощущение созвучности конца стихов все больше усиливается именно при приближении к нему.

При этом нужно иметь в виду следующее. Некоторое несходство отдельных звуков, возможное в начальных слогах скрепленных рифмой слов, не выделяется сильно и благодаря тому, что созвучность их укрепляется последующими слогами. Конечно, имеет силу и обратное воздействие начальных слогов, стоящих в созвучии, на последние слоги. Но тем не менее воздействие конечных слогов на начальные слоги отличается своим особым характером, поскольку в большинстве случаев они обладают сравнительно большей близостью соответствующих в рифме звуков и играют к тому же большую роль в создании рифмы.

Сказанное выше позволяет заключить, что об условиях созвучности тех или иных соотносимых друг с другом в созвучии слогов нельзя говорить вообще, без учета места слога в составе рифмы.

То, что говорилось о созвучности отдельных соответственных слогов в разном их положении в рифме, охватывает лишь некоторые стороны ее слоговой структуры. Большое значение для понимания слогового строения рифмы имеет также вопрос о ее слоговом объеме. К разбору этого вопроса мы далее и приступим.

Рифменное созвучие может охватывать в конце каждого стиха полностью одно или несколько слов. В последнем случае налицо так называемая составная рифма. Вместе с тем рифма в том или ином стихе может охватывать в известных условиях лишь часть слова.

Наличие в стихе составной рифмы показывает, что при установлении рифмы не всегда будет правильным брать лишь последнее в каждой строке слово. Ибо их созвучность может дополняться звуковым сходством предшествующих слов. Например:

Жок болеа катыныннын жат өсегі,
Болмаса мінезінің еш кесегі,
Майысқан бейне гүлдей, толықсыған,
Кем емес алтын тақтан жар төсегі (Абай).

Орманнан аман-есен өткізелік,
Жөніне адаспастай дөп түзелік (Сәкен).

Однако составную рифму подобного рода следует отличать от такого вида рифмы, который дополнительно подкрепляется сходством лишь отдельных звуков. Например:

Единица — жақсысы,
Ерген елі бейне нөл.
Единица нөлсіз-ақ
Өз басындық болар сол (Абай).

Басында эке айтпаса ақыл жарлық,
Ағайын табылмаса ой саларлық,
Қалжынбассып өткізген қайран дәурен
Түбінде тартқызбай ма ол бір зарлық (Абай).

В первой строфе рифму образуют слова *нөл* и *сол*. Она дополняется сходством звуков аллитерационного характера в словах *бейне* — *болар*. Во второй же строфе собственно созвучную часть стихов составляют: *жарлық* — ...*ларлық* — *зарлық*. Звуковое же подобие слов *ой* — *ол* во втором и четвертом стихах лишь усиливает рифму.

Рифма в казахской поэзии осуществляется с соответствием слога слогу. Поэтому если рифмуют между собой два стиха, то созвучная часть их будет равносложной. Если же одной рифмой охвачено более двух стихов, созвучная часть их может быть и неодинаковой по числу. Но в сущности указанный принцип и в этом случае сохраняет свою силу. Скажем, в двух стихах из трех созвучная концовка будет более многосложной, например четырехсложной. Но в этих же стихах в соотношении их со строкой, созвучная часть которой, скажем, трехсложная, будут рифмовать только конечные три слога:

Кейбіреу тындар үйден шыққанынша,
Кейбіреу кояр көңіл ұққанынша.
Сөз мәнісін білерлік кейбіреу бар,
Абайлар әр бір сөзді өз халынша (Абай).

Слова *шық* — *қа* — *нын-ша* и *ұқ* — *қа* — *нын-ша* в первом и втором стихах рифмуют между собой целиком. А с четвертым стихом в этих словах созвучны лишь последние три их слога.

Соответствие слога слогу в созвучных словах свидетельствует о том, что в казахском стихе, как стихе силлабическом, имеющем слововую структуру, закономерности рифмы проявляются сообразно специфике его строя. Принцип равноценности всех слогов лежит также и в основе создания рифмы.

Каков же бывает обычно слоговой объем созвучной части строк? Попробуем выяснить, возможно ли в этом отношении наметить определенные закономерности.

Прежде всего отметим, что число слогов в созвучной части строк в казахском стихе колеблется в пределах от одного до четырех. Дело в том, что рифма в отношении ее слогового строения тесно связана с общей закономерностью казахского стиха — с делением стихотворных строк на ритмические части, иначе — на слоговые группы, обозначаемые в казахском литературоведении термином *бунақ*.

Каждая строка в казахском стихе с ритмической стороны разделяется на части, содержащие в составе от двух до четырех слогов. Границы этих ритмических частей стихотворной строки обозначаются постоянным обязательным словоразделом.⁴

Рифменное созвучие в казахском стихе может охватывать всю конечную слововую группу, или, иначе — оно может распространяться на все стиховое окончание. За рамки конечной слоговой группы (стихового окончания) рифма как правило не выходит. И поскольку стиховое окончание в казахском стихе не бывает более чем четырехсложным, конечная рифма в казахской поэзии обыкновенно не охватывает более четырех слогов.

Таким образом, стиховое окончание, рассматриваемое нами как за-

⁴ Этот вопрос подробнее освещается автором в статье «Ритмика казахского стиха». В кн.: «М. О. Ауэзов. Сборник статей к его шестидесятилетию». Алма-Ата, 1959, стр. 214—230.

ключительная в строке слоговая группа или же ритмическая часть строки, обычно образует тот предел слогового объема, который охватывается рифменным созвучием.

Само собой разумеется, сказанное выше не исключает того, что в стихе могут быть звуковые повторы и созвучия, выходящие за рамки стихового окончания типа так называемых начальных и внутренних рифм, аллитераций и т. д. Накопление их может сделать соседние строки насквозь созвучными. Однако это явление иного порядка, поскольку речь идет о конечной рифме как таковой. Кроме того, надо сказать, что стихотворные строки оказываются целиком или же более или менее полностью созвучными обычно лишь в отдельных случаях и притом подобный звуковой повтор охватывает преимущественно небольшое число стихов.

Что же касается совпадения предельного объема рифмы со стиховым окончанием, то это явление в высшей степени характерное для казахского стихосложения. По-видимому, конечная рифма ощущается особенно четко и сильно именно в пределах стихового окончания. Объяснить это можно известной самостоятельностью и выделенностью стихового окончания в ритмическом отношении, что связано со специфическими особенностями строя стихотворной речи.

В силу этой тенденции слоговой объем рифмы в основном определяется в зависимости от характера стихового окончания того или иного поэтического размера.

Так, например, в семи-восьмисложном стихе с трехслоговым окончанием («жыр») рифма бывает как правило трех-, двух- и односложной (за исключением тех случаев, когда строки оказываются насквозь созвучными).

В семи-восьмисложнике же с трех- и четырехслоговым окончанием рифма обычно заключает в себе в семисложных стихах не более трех, а в восьмисложных стихах не более четырех слогов.

Таким же образом типичными для одиннадцатисложного стиха с трехслоговым окончанием будут рифмы трех-, двух- и односложные, а для другого варианта этого же размера с четырехслоговым окончанием — наряду с ними также и рифмы четырехсложные.

Следовательно, если в первом варианте одиннадцатисложного размера самая большая по слоговому составу рифма обычно охватывает три слога, то во втором его варианте она будет состоять из четырех слогов.

Едва ли подлежит сомнению, что, при других равных условиях, чем больше слогов в созвучной части стиха, тем полнозвучнее рифма. С этой точки зрения существенно отметить, что в казахском стихе особенно часто встречается рифма простая и составная (охватывающая несколько слогов), распространяющаяся на все стиховое окончание.

Особенно это относится к стиху «жыр'а», в котором находим исключительно яркие в этом отношении примеры.

Мұны көріп Қамбардың
Жоқшылық кірді есіне,
Қымызы бар деп ақ үйдін
Түсемін барып несіне.
Қырындап өтіп барады,
Сұңқарын тұтып бетіне.
Қара қасқа түлпары
Жерді тартып табаны,
Алшандап басып асықпай,
Ауылдың шықты шетіне.
Бұлттан шыққан айға ұқсап
Тұр еді Назым нұрланып,
Атлас көйлек үстінде
Көк арбаға сүйеніп,

Шыбыктай белі бұралып.
 Сүйретіп алтын шашпауын
 Ордаға барып кіреді.
 Боз жорға аттай ырғалып,
 Аһ ұрғанда аузынан
 Түтіні шығып сұлудын
 Жүрегі кетті от жанып.
 «Қара атты Қамбар қарамай
 Не себептен кетті»,— деп
 Ашуы келді долданып.
 «Ақша бетім қарайып
 Қалды ма? — деп,— апырмай»,
 Шар айнасын қолға алып.
 Сұңқардай көзі сүзіліп,
 Жыламай көңілі бұзылып,
 Айнаға көзін тұр салып.
 Қараңғы тартып көңілі,
 Қыз Назымның ішіне
 Капалығы сыймады.
 Шақырып жақын жеңгесін
 Орданы тегіс жинады,
 «Түс қайтуға жеткізбей,
 Бір ұршықтай жібекті
 Иіріп бер»,— деп қинады.
 «Өкпелер,— деп,— шұнақ қар»
 Назымның сөзін сыйлады.
 Шүйкесін созып шапшаңдап,
 Бәрінің басы қақшаңдап,
 Бұйырған ісін бітіріп
 Айтқанын екі қылмады.
 Отыз катын ойнақтап
 Өрмегін тездеп жүгіртті.
 Табаны жерге жарылып
 Құландай салды дүбірді;
 Жүргенде нін тіресіп
 Тоқталып біраз кідірді («Қамбар батыр»).

В приведенном тексте отмеченные нами концевые созвучия — почти сплошь трехсложные рифмы. Надо сказать, что даже такое необычайно густое скопление трехслоговых рифм в стихе «жыр'а» не представляет собой редкого явления, хотя, конечно, чаще они так или иначе перемежаются с двух-и односложными рифмами. Примеры этого рода не случайны потому, что трехсложная рифма для стиха «жыр'а» является всего более характерной. Показательно, что двухсложные и односложные рифмы, которых в общем немало встречается в стихе «жыр'а», не дают обычно подобного скопления одинаковых по числу слогов созвучий, столь характерного для трехсложной рифмы.

Рифма, распространяющаяся на все стиховое окончание, является излюбленной и в одиннадцатисложном стихе. Не удивительно поэтому, что порою в произведениях, созданных этим размером, встречаются подряд десятки строк, в которых стиховое окончание из четырех слогов предстает насквозь созвучным.

Сүйткенше талауранып таң көрінді.
 Рауандап, атқан аппақ сам көрінді.
 Серпіліп, қара түннің көлеңкесі,
 Бозарып, ала төбе маң көрінді.

Лашынның кептер келді мекеніне,
 Қуанды лашын орынында екеніне.
 Кептердің қорықпай бұлай келуінің,
 Лашын ер түсінбеді, не екеніне.

Лашынмен аман-есен кездескен соң,
Жолығып оңашада көздескен соң,
Лашынның сонда ғана түсті есіне,
Кептер құс бастан-аяқ сөзді ескен соң.

Сөз кейбір шертті кептер бастан-аяқ,
Жатырқап, лашын құстан жасқанбай-ақ.
Сұңқар мен үш жапалақ уақиғасын
Баян ғып, бір мүлтігін тастамай-ақ.

Сөйледі кептер барлық сыр зарлығын,
Сұңқардың жомарттығын, мырзалығын.
Кез болып, қара орманда достық қылған,
Үш ерге жан-тәнімен ырзалығын.

Лашынға уәде-серт бергендігін,
Тұн қатып сол серт үшін келгендігін.
«Сертімді бұзғанымша — деді кептер,—
Одан да артық менің өлгендігім...»

«Сол сертті енді, міне, орындаңыз,
Жаныма батсадағы қорынбаңыз.
Сол үшін іздеп сізді келдім,— деді,
Әйтеуір, сертіңізді толымдаңыз...»

Кептердің келгеніне азаптанып,
Сұңқардан, жапалақтан азаттанып,
Бәрінің жомарттығын салыстырып,
Отырды лашын қайран, ғажаптанып.

Бәрінің ерлігіне сүйсінеді,
Лашын да, риза болып ісінеді.
«Бәрі де менен артық жомарт-ау»,—деп
Өзіне күмәнденіп, түйсінеді.

Кептерге айтты: «Саған тие алмаймын.
Сені енді жем қылуға қия алмаймын.
Басқалар жомарт болған бір тоятқа,
Қалайша қызығуға ұялмаймын?.. (Сәкен).

Эту особенность рифмы можно проследить, обращаясь также к другим стихотворным формам казахской поэзии.

Как уже говорилось, созвучная часть стиха может совпадать и довольно часто совпадает со стиховым окончанием. Рифма обычно не переходит за его границу. Однако рифма необязательно должна охватывать полностью стиховое окончание. Мы подходим здесь к вопросу о рифме в плане установления, так сказать, наименьшего предела слогового объема, необходимого для осуществления созвучия. Прибавим к этому, что, говоря об условиях создания рифмы с точки зрения ее слогового состава, мы имеем в виду такие требования, которые в отношении, рассматриваемом нами, вполне достаточны для осуществления точной рифмы.

Требования, выдвигаемые к рифме с этой стороны, определяются в зависимости от количества слогов в самих созвучных словах. И здесь можно сформулировать следующее общее правило: созвучная часть каждого стиха, объединенного общей рифмой, должна быть по числу слогов не меньшей, чем самое краткое из рифмующихся слов.

Так, например, если хотя бы в одной из созвучных между собой строк рифму образует односложное слово, то в других строках рифма может быть также односложной. Это значит, что рифма в этих строках может охватывать лишь конечный слог слова, дающего созвучие.

Ысытқан, суытқан
Бойынды бір көңіл.

Равным образом рифма во всех стихах, объединенных общей рифмой, может быть двухсложной, если хотя бы один из них заканчивается двухсложным словом. В этом случае в других созвучных словах, более многосложных, рифма будет охватывать последние два слога.

Ұшпаймын түн жамылып жарқанаттай,
Жатпаймын жапанда бір сөнген оттай,
Жетемін жетеріме ұйғарған,
Атылған алысқа арнап снарядтай (Ә. Тәжібаев).

То же самое, когда в числе рифмующихся слов есть трехсложное, если оно выступает по сравнению с другими, стоящими с ним в одной рифме словами как сравнительно краткое.

Из всего вышеизложенного со всей ясностью вытекает, что говорить о наименьшем пределе слогового объема в той или иной строке, нужном для образования рифменного созвучия, можно лишь имея в виду рифму, образованную разносложными словами.

Что касается рифмы, которая отличается равносложностью всех стоящих в созвучии слогов, то здесь дело обстоит совершенно иначе. Это, однако, не значит, что применительно к рифме, образованной равносложными словами, невозможно говорить о какой-то ни было закономерности. Дело лишь в том, что тут действует правило иного характера, обусловленное своеобразием рифмы этого типа.

В казахском стихе, если слова, объединяемые одной рифмой, равносложны, рифма обычно охватывает их полностью, а не только конечные слоги этих слов. Обратимся к конкретным примерам:

четырёхсложная рифма:

Шат көңіл, шадымен жұрт ақынысың,
Жүйріктің жұрт ұнатқан жақынысың
Баласың бақытты елге, түс майданға,
Халқыңның қайратысың, ақыллысың (І. Жансүгіров).

трехсложная рифма:

Каяусыз қалпынан,
Өзі артық даңқынан,
Қызыл тіл шыға алмас
Мақтаудың шартынан (Абай).

двухсложная рифма:

Өмірде неше түрлі уды іштім,
Неше түрлі азапқа, жаным, тустің.
Ағайынның ішінен ала шықса,
Жау ішінде бар ма екен сонан күштің?

Это явление представляет большой интерес с точки зрения понимания особенностей казахской рифмы. Оно весьма свойственно казахскому стихосложению, поскольку в своей основе коренится на прочных устоях общенародного языка: равносложные слова, поставленные в рифму, бывают целиком созвучны в силу агглютинации и закона сингармонизма. Поэтому эта закономерность, представляющая собой одно из существенных отличий казахской рифмы, должна рассматриваться как естественное проявление в стихосложении свойств казахской речи.

Отсюда понятно, что рифма, образованная из равносложных слов, таит в себе возможность для осуществления необыкновенно глубокого

созвучия. И в самом деле, в казахской поэзии этого рода рифма почти как правило отличается исключительной полнотой и богатством звукового созвучия, особенно если это многосложная рифма.

Однако влияние закона сингармонизма и агглютинации на характер рифмы в казахской поэзии проявляется очень широко и существо данного явления не исчерпывается сказанным. С этими законами языка близко связан также ряд других общих особенностей казахской рифмы, определяющих в значительной степени характер как равносложных, так и разносложных рифм.

В казахском стихосложении в силу действия указанных законов языка созвучность основы или же корневой части слов влечет за собой сходство и их окончаний.

Еңіреп, төрт балапан *шұылдайды,*
Қарақұс қоқиланып *жымыңдайды.*
Сол кезде аждаһадай көкте ыскырып,
Бірдеме жоғарыдан *суылдайды (Сәкен).*

Балтық пен Ақ теңізді жырдық *қосып,*
Бетпақдала, Қарақұм шөлін *жосып,*
Волхов пен Днепрдей асаулардың
Бөгедік бұғалық сап алды *тосып (С. Мұқанов).*

В то же время созвучность одних лишь окончаний слов в казахском стихе вообще не создает достаточно глубокой рифмы, и поэтому допускается редко, преимущественно в коротких словах — двухсложных рифмах. (Другое дело, когда основа или корневая часть одного слова рифмуется с окончанием другого слова).

Кроме того, в отношении осуществления рифмы в такой же в сущности роли, как окончание слова, выступают и вопросительные частицы *ма, ме, ба, бе, па, пе* и служебные слова (или же частицы) *да, де, та, те*. Для создания сколько-нибудь полной рифмы необходимо, чтобы рифмовали и те слова, которые принимают после себя эти частицы.

Тот факт, что в казахской поэзии существует как бы определенная взаимная зависимость между созвучностью основы и окончания в рифмующихся словах, которая сохраняет свою силу в огромном большинстве рифм, очень сильно способствует полнотворности рифмы, но не вызывает каких-либо особых дополнительных трудностей в ее осуществлении. Ибо благодаря гармонии гласных и своеобразию системы аффиксов, обусловленному агглютинацией, в казахском языке сравнительно более легко найти слова с приблизительно одинаковой (или же сходной) последовательностью гласных и согласных звуков.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что в казахской поэзии чаще встречаются именно полнотворные, глубокие рифмы, а бедные, неточные рифмы менее предпочтительны, употребляются значительно реже.

Как уже указывалось, созвучность основы слов обязательно в той или иной форме связывается в казахском стихе с созвучностью окончаний.

Если бы это было не так, если бы окончания не совпадали, т. е. попросту были бы взяты слова, окончания которых в грамматическом отношении разнородны и притом лишены сколько-нибудь заметного совпадения звуков (что, конечно, само по себе вполне возможно), тогда была бы сильно ослаблена (если не нарушена) созвучность конечных в стихе слогов, а именно — последнего (возможно и предпоследнего). Между тем в казахском стихосложении, как уже говорилось, конечные слоги, и особенно последний слог, играют особую роль в создании рифменного созвучия.

Попытаемся теперь, учитывая описанные нами особенности рифмы, за-

кономерности ее звукового и слогового строения, определить, при каких условиях рифма в казахской поэзии воспринимается как точная и в каких случаях ее можно квалифицировать как неточную.

Можно наметить различие точной и неточной рифм главным образом на основе следующих признаков.

Чтобы рифма воспринималась как точная, она должна прежде всего иметь достаточный слоговой объем: в равносложных словах охватывать все слоги, а неравносложных — не меньше того числа слогов, которое имеет самое короткое из рифмующихся слов. Далее гласные и согласные звуки в соответственных созвучных слогах должны быть сходны по крайней мере в той степени, в какой это требуется для их полного созвучия в данном положении звука и слога.

Точная рифма может быть образована как из многосложного (трехсложного и четырехсложного), так и двухсложного и односложного созвучия. Точная рифма бывает особенно полнозвучной и богатой, если она охватывает все стиховое окончание. Поскольку в казахском стихе полное совпадение рифмы со стиховым окончанием имеет особо важное значение как фактор, создающий ощущение максимальной полноты созвучия, можно точную рифму в свою очередь разделять на простую и богатую, полнозвучную. Простая точная рифма, не охватывающая полностью все стиховое окончание, предстает как рифма немногосложная. А богатая точная рифма, распространяющаяся на все стиховое окончание, выступает в большинстве случаев как рифма сравнительно многосложная.

Кроме того, многосложная рифма вообще гораздо реже бывает неточной, чем рифма немногосложная.

В качестве неточной рифмы воспринимается по преимуществу такое созвучие слов, которое не отличается необходимым звуковым сходством последнего или предпоследнего слога в них.

Рифма бывает неточной:

если в двух сравнительно коротких равносложных рифмующихся словах не все слоги имеют звуковое сходство (несозвучны в них или гласные, или согласные):

Оқымаған ақ көңіл
Бар адамға сенесің.
Қазулы терен орды біл,
Құласа балаң өлетін (Сұлтанмахмұт);

если в неравносложных словах не охвачено полным созвучием (и гласных, и согласных) столько слогов, сколько имеет их в своем составе самое краткое из этих слов:

Алмаса докторға
Канбаныз соққырға.
Визит төлемей
Шырағым құр қалма (Абай);

если конечный слог в одном из рифмующихся слов — открытый, а в другом — закрытый.

Вместе с тем рифма обычно выступает как неточная также в том случае, если созвучны только одни окончания рифмующихся слов, а их корневая часть обнаруживает лишь очень отдаленное звуковое сходство.

Өн бойың қарағанда ду-ду етсе,
Сыртың қысылып, тұншығып, ішің күйсе.
Ол сонда асыла кетіп, бұраң етіп,
Қайтер едің жігітім қолға тисе (Сұлтанмахмұт).

Во многих случаях к неточной рифме может быть отнесено созвучие, в котором рифмуют лишь редифные слова, т. е. слова полностью повторяющиеся, а предшествующие им слова не рифмуют. Подобная рифма может быть более или менее точной лишь тогда, когда редиф охватывает соответственные строки почти полностью.

Неточная рифма необязательно бывает бедной. Неполное созвучие в последних слогах нередко усиливается разного рода перекличкой звуков в предшествующих слогах. Неточная рифма в целом большею частью предстает как достаточная. Неточную рифму поэтому можно в свою очередь различать как достаточную и как бедную. В частности, многосложные созвучные слова, в которых в конце рифмуют друг с другом открытый и закрытый слоги, создают обычно достаточную рифму.

Неточные рифмы в казахской поэзии употребляются во много раз меньше, чем точные.

Едва ли было бы, однако, правильным полагать, что точная рифма во все случаях лучше неточных. Неточные рифмы также могут быть оправданы художественным заданием. Другое дело — рифма неряшливая, неблагозвучная.

Наблюдения показывают, что большая точность рифм соблюдается особенно в строках, замыкающих более или менее самостоятельную часть строфы, в стихе тирадного строения — в сквозной, отличающейся особой устойчивостью рифмы.

В других же строках неточные рифмы применяются сравнительно чаще, хотя в общем тоже довольно редко.

Отметим также, что для того чтобы объединить строки в рамках строфы, вовсе не обязательно рифмовать все строки. Обычно рифмой охватываются все строки строфы лишь в том случае, когда в строфе применяются два (или более) способа рифмовки. Например, при перекрестной рифмовке.

Если же стихи в строфе связаны одной рифмой, отдельные строки созвучием не охватываются. Иначе это породило бы излишнее однообразие.

Поэтому некоторые системы рифмовки уже по своей структуре предполагают наличие в строфе строк, свободных от созвучия. Например, система рифмовки, используемая в одиннадцатисложнике, при котором рифмуются первый, второй и четвертый стихи, а третий остается без рифмовки. Можно указать также на способ рифмовки, широко распространенный в шести-семи-, семи-восьмисложных стихах — *а б в б*; здесь рифмуются четные строки, а нечетные не рифмуются. Подобные незарифмованные строки очень характерны для стиха, слагающегося в виде тирад разной длины, в которых много строк объединяется одной общей рифмой.

В строфическом стихе рифма предстает как созвучие концов стиха в соответственных строках. В отдельных случаях заключительные стихи нескольких (или всех) строф стихотворного произведения могут иметь одинаковую рифму.

При тирадном строении стиха имеем сквозную рифму, проходящую через всю тираду или охватывающую часть ее, а также рифму побочную, связывающую между собой соседние, расположенные рядом или близко друг от друга строки.

Однако вопросы о расположении рифмы в тех или иных стихах строфы, о способах рифмовки очень тесно связаны с системой строф и должны изучаться в связи со строфикой. Но это — предмет самостоятельной работы.

РЕЗЮМЕ

Мақалада қазақ өлеңіндегі ұйқастың дыбыс, буын құрамы жайындағы мәселелер қарастырылған. Өлеңдегі ұйқас бірімен-бірі үйлескен сөздердегі бір не бірнеше буынның өзара дыбыс үндестігі, ұқсастығынан туады. Ұйқасқан буындардың, сөздердің үйлестік, жақындығы алдымен сәйкес дыбыстардың санасына байланысты, бірақ сонымен бірге ол дыбыстардың сөздің ішінде қай буында, буынның ішінде қай орында тұрғандығында үлкен мән бар. Ұйқас буын саны жағынан алғанда асса өлеңнің соңғы бунағымен тең түседі, кем дегенде бірімен-бірі үйлес сөздердің ең қысқасы неше буынды болса, ол да сонша буынды болады. Мысалы, жырдың соңғы бунағы үнемі үш буынды. Сондықтан жырдың ұйқасы әдетте ең көбі үш буынды болып келеді. Ал ұйқас ең аз дегенде неше буыннан тұрады десек, бұл сол үйлескен сөздердің ішінде екі буынды сөз кездесе, ұйқас та екі буынды, ал бір буынды сөз кездесе, ұйқас та бір буынды болуы ықтимал.

Мақалада сөз болатын тағы бір жай — қазақ өлеңінің ұйқасын үйлесу дәлдігі тұрғысынан топқа бөліп, ажырату мәселесі.